

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ВРЕМЕНА ГОДА

РАССКАЗЫ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Любовь приходит и уходит независимо от нашей воли. Она есть или её нет. Необъяснима природа и причина её возникновения. С влюблённостью проще. Тут всё или почти всё ясно. Чаще — очарование внешностью, реже — способностями, талантом. С любовью сложнее.

Вот и я не могу объяснить, почему полюбил море. Мы встретились в Евпатории. Мне было тогда четырнадцать лет. Ласковое, разомлевшее от солнечного тепла море лениво плескалось у моих ног. Я медленно вошёл в воду и поплыл. Мама металась по пляжу и кричала: “Сынок, не заплывай далеко!” Я заранее решил: “Доплыву до буйка”. Море покачивало меня, как младенца в люльке, успокаивало, казалось, оно принимает и понимает меня. Я достиг цели, повернул назад и запаниковал: берег оказался неожиданно далеко, люди слились в безликую толпу. Я впервые остался один на один с морем. Сердце забилося воробышком — того и гляди, выпрыгнет из груди и упорхнёт, — руки и ноги не слушались. Я судорожно ухватился за буй — единственный островок надежды. Никакие силы не заставят меня от него оторваться! Наконец, сознание того, что мама беспокоится и ждёт неразумное дитя, пересилило страх. Море не сопротивлялось моему возвращению, наобо-

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках: “Антология калининградского рассказа”, “Балтийский флот”, в журналах: “Балтика”, “Параллели”, во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

рот, легонько подгалкивало, словно заблудившегося щенка. Постепенно наше знакомство переросло в дружбу. В день возвращения домой я забежал попрощаться. Низкие серые тучи сплошь закрывали небо, сливались с морем. Линия горизонта исчезла, и от этого водная поверхность стала необъятной. Море глухо ворчалось, обиженное и недовольное. Я низко наклонился и прошептал: “Мы ещё встретимся!”

Расставание было долгим, однако общение не прекращалось. Люди поддерживают связь с помощью почты, телефона, интернета. Я захлёб читал морские романы, смотрел фильмы, заставлял деда, капитана первого ранга в запасе, пересказывать флотские байки. Никого из близких не удивило моё решение поступить в военно-морское училище. В августе я увидел Балтийское море. Оно было скромным, без ярких тонов и контрастов. Как северяне от южан, оно отличалось сдержанностью чувств. Его неброская красота притягивала и очаровывала.

За годы службы я побывал на всех четырёх океанах. И каждый по-своему был неповторим. От Тихого исходило ощущение первобытной силы. Это хищник, повадки которого можно изучить, но приручить его нельзя. Индийский — сибарит, изнеженный, по-восточному медлительный. Северный Ледовитый — вечно злой, холодный и равнодушный. Атлантический — коварный и непредсказуемый. Наверное, именно эта глубина, непознаваемость, мощь и влюбляет? Не знаю, зато твёрдо убеждён, что море берёт пример с Бога, постоянно испытывая на прочность, на верность тех, кого любит. Для меня такая проверка состоялась, когда я служил на сторожевом корабле. Штормовое предупреждение застало нас у мыса Лопатка — южной оконечности полуострова Камчатка. Циклон, зародившейся где-то в сороковых широтах, спешил на север, словно скорый поезд. Встречи с ним было не избежать. Оставался один вариант — уйти подальше от его эпицентра. Циклон задел сторожевик краем, и этого хватило, чтобы хлебнуть лиха. Вначале всё стихло, притаилось, потом ветер засвистел, загудел с такой силой, будто заработал гигантский пылесос. Устоять на верхней палубе, не держась за лерные ограждения или поручни, было невозможно. Воздух стал настолько плотным, спрессованным, что трудно стало дышать. Океан какое-то время оставался спокойным, не реагировал на это сумасшествие, словно не хотел участвовать в схватке. Но постепенно раскачался и он. Обе стихии — воздушная и водная — объединились в борьбе с кораблём, творением рук человеческих. Гребень волны нависал над ходовой рубкой, затем терял силы, опал и накрывал её. Бурлящий поток прокатывался дальше по шкафуту на ют. Вода не успевала сходить с палубы, пенилась в шпигатах, а следующий вал уже шёл в атаку. Корабль содрогался от ударов, стонал, скрипел, побряхтывал, будто живое существо, однако не жаловался, понимая, что океан не любит слабых и не прощает ошибок. Мне было не легче: несколько раз вывернуло наизнанку. При одном упоминании о пище тошнило. Настроение было скверным. “Вот она, настоящая романтика”, — с иронией размышлял я, с трудом устроившись на койке, которая норовила сбросить меня, как необъезженная лошадь всадника. “Морю наплевать на нас, на наши мучения, страхи, переживания. Оно любит только себя. Ни о какой взаимности не может быть и речи. Все это твои фантазии. Не лучше ли, браток, подыскать другую профессию. Жидковат ты для морской службы”. Раскинуть не давал жёсткий корабельный распорядок: надо было нести вахту, обслуживать технику, заниматься подчинёнными. В голове между тем крутился один вопрос: “Закончится ли качка?” Но всё проходит, как утверждал ещё мудрый царь Соломон. Стих ветер, успокоился океан. Забыты были трудности и недовольство, осталось чувство преодоления: “Я смог. Я это сделал! Я настоящий мужчина. Я испытал и пережил то, на что способны немногие”. Именно тогда пришло понимание, что без моря жизнь потеряет для меня смысл.

Сколько таких проверок выпало на мою долю, не считал, лишь иногда спрашивал себя: “Может быть, хватит испытывать судьбу? Всякому везению приходит конец. Ты играешь в русскую рулетку, только в барабане не пуля, а несчастный случай”. Да, за удовольствие надо платить. За красоту, которая стала для тебя повседневностью, за тихие радости ощущать себя в цен-

тре вселенной, когда горизонт не разорван городским пейзажем, лесом, горами, а ложится перед тобой правильно очерченным кругом. И это синее блюдце, опрокинутое вверх дном, и есть место твоего обитания.

Никогда не забуду первый восход солнца в море. Это было в районе архипелага Чагос, почти у экватора. Сотканный из тяжёлой плотной ткани, небесный занавес медленно поднимался. Невидимая рука провела чёткую кривую линию, разграничив небесную и морскую сферу. И началась великая магия игры света, тончайшие неуловимые световые переходы. Над тёмной чертой появилась светлая полоска. Она ширилась, росла. В центре неё небо ярко засинело, потом стало бледнеть, выпцветать, зарумянилось, зарделось, заалело. Солнце, ещё невидимое, посылало гонцов оповестить нас о своём приходе. Вот появилось и оно. Ослепительный огненный шар медленно всплывал, море выталкивало его из своего чрева. Наконец, небесное светило полностью освободилось из плена, лучи его захватывали всё большее пространство и меняли цвет воды с мрачного тёмно-зелёного на весёлый изумрудный. Они достигли точки нашей якорной стоянки, в какое-то мгновение по кораблю прошла граница тьмы и света. Свет уверенно побеждал, и наступило утро. К вечеру солнце устало, остыло и стало похоже на яичный желток на сковородке. Небо вновь набрало густой синевы. Крупные южные звёзды проступали всё ярче. Солнце коснулось нижним краем воды, замерло на мгновение и быстро исчезло.

Море подарило мне много счастливых минут. Два десятилетия мы встречались почти ежедневно, и частота встреч не притупила чувства. Однажды, в первый год супружества, жена с обидой спросила: “Кого же ты больше любишь: меня или море?” Я не стал обманывать и сказал: “Обоих одинаково”. Однако у человека век короткий, он не может рассчитывать на вечную любовь. Я понимал, что после меня придут другие счастливики, но не испытывал ревности, потому, что был уверен: у нас сложились особые, неповторимые отношения. Теперь моя жизнь не связана с морем, и когда мы долго не видимся, оно приходит в мои сны, напоминая о себе. Тогда я выбираю для поездки пасмурный, ненастный, ветреный день, сажусь на дизель или в автобус и еду на свидание. Не в курортный приморский город, где много праздно гуляющего народа, а в суровый Балтийск. Прохожих немного. На северном молу их и вовсе нет. Останавливаюсь на самом оголовке мола, закрываю глаза, солёные брызги летят в лицо, и мне кажется, что я вновь на ходовом мостике корабля, и мы снова вдвоём... Я и море.

ВРЕМЕНА ГОДА

По щедрости ранняя осень несравнима с другими временами года. Она отдаёт людям всё, что имеет: спокойствие и умиротворение, созревшие плоды, чудные дни — спокойные, ласковые, тёплые, наполненные ощущением скорого расставания и оттого ещё более дорогие. Однообразная летняя зелень сменяется удивительным разноцветьем красок. Деревья приобретают свой неповторимый наряд. Осень пишет картины, непосильные кисти Левитана. Она дарит вдохновение, щемящее чувство конечности, которое вызывает красота увядания, создаёт обстановку особого душевного настроения. И даже бесталанные творят. А сама осень, как женщина после родов, обессиленная, поблекшая, остаётся ни с чем. Наверное, она рассчитывала на ответную любовь, но такой серой, безликой она никому не нужна. Природа умирает, и осень оплакивает её уход. Погода портится. Дождь, слякоть, вечно хмурое небо, низкое, давящее, готовое рухнуть на землю под тяжестью набухших от влаги облаков, вызывает ничем необъяснимую, долго не уходящую тоску. Кажется, весь окружающий мир промок насквозь. Вода всюду: под ногами, на деревьях, на домах, на одежде, на небе. От неё некуда деться. Она скоро хлынет мощным потоком в квартире с потолка. А когда чего-то слишком много, даже денег, это напрягает. Так хочется завернуться, как в кокон,

в тёплое одеяло и впасть в летаргический сон, чтобы проснуться если не в апреле, то хотя бы в декабре, когда Дедушка Мороз наведёт, наконец, порядок: прикроет загаженную людьми землю снежным покрывалом. Люди неблагодарны, непостоянны, капризны и эгоистичны. Им наскучила промозглая осень. Они с нетерпением ждут зимы и только с ней теперь связывают свои надежды на лучшую жизнь.

Первый снег, как первая любовь: неожиданный и одновременно долгожданный. Щенячий восторг по поводу снежинок, упавших и растаявших на старательно высунутом языке. Запах чистоты и свежести, ощущение покоя и вневременности происходящего. Обыденное, привычное становится праздничным, знакомое — неузнаваемым. Ты внезапно оказываешь в другом, незнакомом городе. Ты гость, которому интересно бродить по кривым улочкам, полюбоваться неповторимой архитектурой довоенных, чудом уцелевших домов, ладонью осторожно гладить красный многовековой кирпич. Он весь в шрамах, как истинный рыцарь-защитник. Деревья, совсем недавно почерневшие в своём неутешном горе по погибшей листве, голые, озябшие, приделались в новенькие модные, белые пуховые шубки, повеселели. От их траура не осталось и следа. Молоденькая берёзка что-то шепчет солидному каштану и, по-видимому, не прочь закрутить с ним роман. У тебя тоже приподнятое настроение. Светло и просторно вокруг, легко на душе. Морозный воздух будто бы сам наполняет лёгкие, и дышится с удовольствием. Прогулки по сказочному, заснеженному лесу окончательно разгоняют осеннюю хандру. Весь декабрь мы живём ожиданием наступления главного праздника, загодя готовим подарки, сюрпризы. Новый год объединяет нас, делает дружелюбными, приветливыми. Жаль — ненадолго, на одну ночь, но и этого довольно! Возвращаешься от друзей поздней ночью или ранним утром, и каждый встречный с улыбкой приветствует и поздравляет тебя. И ты в ответ беспричинно смеешься и желаешь ему счастья. А что ещё надо, кроме счастья? Это понятие вобрало в себя всё. Оно легко, невесомо и сиюминутно. Иначе может не выдержать сердце, иначе задохнёшься, не поймёшь, что то состояние, которое ты сейчас переживаешь, и есть счастье. Однако праздники сменяют будни, хорошее остаётся в прошлом. Зима начинает надоедать. Затяжная, непредсказуемая, словно девушка на выданье. С резкими переходами от мороза к оттепели, от метелей к ясной солнечной погоде. Сколько можно носить тяжёлые дублёнки, мерзнуть на остановках в ожидании автобуса?.. Наскучили длинные ночи и короткие, тусклые дни. Солнце-засоня встаёт поздно, ему лень высоко забираться на небо. Для порядка, чтобы не забывали о его существовании, оно мазнёт косым лучом по горизонту и вновь заваливается на боковую. Даже снег больше не радуется, у него нет той неповторимой, слепящей глаза белизны, новизны и нетронутости, как в начале зимы. Видимо, и он подустал. По инерции, без особого подъёма, мы отдаём дань чисто русской традиции: встречаем Новый год по старому стилю, однако это не прибавляет радости, и мы начинаем считать дни до весны. Но её приход затянется надолго. Предстоит пройти через январскую злую стужу, встретить “февраль — кривые дороги” с его оттепелями и буранами, пережить непостоянство и вероломство марта.

Наконец, все испытания позади. Природа просыпается, бурлит. Запахи черёмухи и сирени сводят с ума. Бело-розовые лепестки цветущей алычи, вишен и яблонь безмолвно и покорно ложатся под ноги. Весенние соки наполняют организм неоправданным порой оптимизмом и уверенностью. Мы нехотая вспоминаем библейскую заповедь: “Возлюби ближнего своего, как самого себя”, — и оправдываем ею необдуманные поступки. Большинство ошибок совершается именно весной, когда человек беззащитен, беззаботен, открыт и влюблён. В это время его можно брать голыми руками, без удочки и наживки. Он доверчиво идёт в сети, как рыба в период нереста. Он не думает о последствиях и живёт одним днём. Зато каким! Всю оставшуюся жизнь, не задумываясь, он готов обменять на этот, один-единственный и неповторимый! Только позже, очнувшись от любовного дурмана, он будет в недоумении чесать затылок, удивляться и обзывать себя нехорошими словами.

Весна строит и созидает, несмотря на то, что твёрдо знает, что плоды своей деятельности она никогда не увидит. Однако это вовсе не смущает её. Она успевает везде, заряжает своей энергией окружающих. Птицы выют гнёзда, бобры строят плотины, медведи вылезают из своих берлог, щепка лезет на щепку, совершается главное таинство бытия — таинство зачатия. Потом, через несколько месяцев появятся на свет те, кого благословила весна. Земля, отдохнувшая, обновлённая, готова принять в своё лоно зёрна будущего урожая. Люди радуются теплу и доверчиво подставляют тело под солнечные ласки. Неужели наступила полная идиллия? Разумеется, нет. При многих положительных качествах весна — девица легкомысленная: не задумываясь о последствиях, она раздаёт обещания жаркого лета, интересного отдыха, вечной дружбы и любви, молодости и удачи. И люди верят, даже закоренелые скептики не столь категоричны в своих неутешительных прогнозах. Действительно, жизнь без надежды на лучшее, без веры и любви превратится в настоящую каторгу, а человек — в животное с ярмом на шее, уныло и послушно бредущее по проторённой колее. Главное, что позволяет нам так смело мечтать, — это недалёкое теперь лето. Наша встреча не за горами. Мы ждём её с нетерпением. Нам уже мало того, что дала весна, хотя она очень старалась. Недаром в песне поётся: “А нам всегда чего-то не хватает...” Тепла мало, дожди одолели, вода в реке и море не прогрелась, свежих фруктов, овощей, не заморских, а своих, местных, нет... И много чего ещё.

Лето приходит незаметно: май месяц плавно перетекает в июнь и порой только по календарю можно определить, что наступило другое время года. Но всё же кое-какие летние приметы проступают: люди пакуют отпускные чемоданы, солнце трудится всюду, уже не греет, а печёт. Потихоньку выцветает, бледнеет яркая синь неба, робкая луговая зелень сменяется буйным разнотравьем. От густого, насыщенного воздуха кружится голова. Ты падаешь навзничь и пропадаешь, растворяешься, сливаешься с природой, становишься её частью и уже не принадлежишь тому чудовищу, которое называется современной цивилизацией. Жара расслабляет. Самые добросовестные — и те работают с прохладцей и ищут предлог, как бы улизнуть на пляж, поваляться на прибрежном горячем песке или в тенёчке побаловаться пивком. Жизнь в городе в такую пору замирает. По расплавленному асфальту, словно доисторические животные, плетутся редкие пустые автобусы. Все с нетерпением ждут спасительного дождя: трава, деревья, здания и, разумеется, люди. Однако пушистые, неплотные, словно нарисованные облака не оставляют надежды. Хотя приморская погода капризна, непостоянна: внезапно налетает ветер. Облака теснее прижимаются друг к другу. Ветер, как опытный пастух, сгоняет их в одну громадную, темнеющую на глазах тучу. Первые редкие капли, коснувшись пышущей жаром земли, мгновенно испаряются, за ними тесными рядами спешат другие, и вот сплошная стена воды падает с небес. Слышатся резкие, словно удары бича, раскаты грома. Молнии сверкают, не переставая, будто задумали испепелить всё живое. Бурные потоки заполняют улицы. Через час так же внезапно ливень прекращается, небо светлее, пахнет озоном. К вечеру дождь зарядил с новой силой, на этот раз всерьёз и надолго: с небольшими перерывами на обед, он поливает землю неделю, другую. Погода окончательно портится, а с ней и наше настроение. Мечты о шоколадном загаре, тёплом, ласковом море в родном Калининграде становятся утопией. Наши взоры устремляются в сторону Турции или Египта (остальные варианты простому смертному не по карману).

Так незаметно в надеждах, тревогах, ожиданиях перемен к лучшему и проходит долгожданное лето. Природа и люди завершают очередной жизненный цикл. И никто, кроме Всевышнего, не знает, сколько ещё таких витков нам предстоит сделать. Несмотря на горести, беды и разочарования, человек упорно и настойчиво движется вперёд, надеясь когда-нибудь там, за горизонтом, в этой или в иной жизни встретиться с чудом, ради которого он и появился на свет.

НЕРЕШИТЕЛЬНЫЙ ЗУЕВ

Михаил Зуев после окончания школы выпорхнул из родительского гнезда и больше двадцати лет отсутствовал. За всё это время в городе он появлялся дважды: на похоронах отца и матери. От них ему достался неказистый одноэтажный деревянный домик с приусадебным участком. В нём и поселился Зуев полгода назад с женой Антониной и шестнадцатилетними дочками-близнецами.

Друзей детства осталось мало, поэтому Зуев был рад встрече с одноклассником Сергеем Махловым — в детстве шустрым, худощавым пареньком, а сейчас солидным, по местным меркам, бизнесменом, держащим пару магазинчиков. Зуев имел ходовую профессию автомеханика. Руки золотые, голова ясная, в иномарках разбирался играючи. По предложению Махлова объединили они деньги бизнесмена с руками автомеханика, купили два гаража, подъёмник, кое-какой инструмент и организовали ремонтную мастерскую. Дела пошли, владельцы машин в очередь записывались — такого специалиста, как Михаил, днём с огнём не сыскать! Друзья сошлись семьями, отдыхали вместе, парились в бане Махлова, помогали друг другу по хозяйству. Зуев задумал построить новый дом. Жизнь как говорится, налаживалась.

Сергей и к сорока годам не перестал фонтанировать идеями. Для реализации одной из них он в субботу пригласил попариться нового начальника отдела жилищно-коммунального хозяйства мэрии Вениамина Коржова. Известно, что в России все важные вопросы решаются в парной, а Махлов замахнулся приватизировать тихо умирающую городскую баню и на её базе построить современный фитнес-центр. Зуеву задумка понравилась, вот только общаться с Коржовым он наотрез отказался. Заявил другу:

— У меня на чиновников аллергия. Обманут — глазом не моргнут.

Однако, в конце концов, уступил просьбе Сергея, пообещал прийти.

Коржов оказался мужиком неглупым, предложение поддержал, подсказал, как его реализовать с минимальными затратами, но при этом выторговал себе статус соучредителя, обещал, что вместе они горы свернут, настоящую буржуазную революцию районного масштаба совершат, и при этом покровительственно похлопывал друзей по плечу: “Не робейте, мол. Со мной не пропадёте”. Осторожный и осмотрительный Зуев прервал разглагольствования Коржова:

— Не гладко ли стелешь, Веня? Ведь ты нас толком не знаешь, откуда такая уверенность?

— Ну, почему не знаю. Тебя Михаилом зовут, говорят, классный автомеханик. Махлов в городе личность известная. Я о нём немало слышал. Чего нам осторожничать! Надо это болото расшевелить и самим в люди выбиваться. Лично я киснуть здесь не намерен и вам не советую.

Как водится, послание обмыли. Выпили прилично. Языки развязались. Незаметно перешли от дел к женщинам.

— А хотите, ребята, я вам свою историю расскажу? Только не выдавайте, она ещё не закончена. Я при должности, на виду, к тому же человек семейный, лишние разговоры ни к чему.

— Валяй, — без особого энтузиазма на правах хозяина разрешил Махлов и заметил: — Что до меня, то я не любитель о своих похождениях распространяться, не та тема. Но других не осуждаю.

— Тогда за любовь, — с иронией предложил Зуев и наполнил стопки. Выпили. Настроение у Михаила было благостное, мысли в голове проплывали лениво: “Всю неделю без прорыва крутился. Работы прибавилось. Надо ещё одного помощника нанимать, иначе не справиться. Попарились, выпили, расслабились. Чего цепляться к мужику? Пусть себе болтает. Может, подремлю немного под его трепотню”. Он поудобнее устроился на лежаке, положил под голову веник и прикрыл глаза.

Коржов вкусо похрустел квашеной капустой и начал:

— В городе я недавно. Служил в армии начальником квартирно-эксплуатационной части. Уволился на пенсию. Бывший командир предложил должность. Я согласился — дело знакомое, проблемы те же. Квартиру дали сразу,

правда, пока служебную. Жена осталась в городке, чтобы сын школу закончил. Приходится холостяковать. Готовить лень, питаюсь тем, что в магазине возьму. Стою как-то в кассу. Впереди меня женщина — продуктов набрала полную тележку. Поинтересовался, как же она такую тяжесть понесёт? Не нужна ли помощь? Она на меня глянула снисходительно:

— Вы, что ли, поможете? Мужики нынче стоящие перевелись! Как-нибудь управлюсь, не впервой.

— Вот, — говорю, — перед вами самый что ни на есть настоящий! Машина под боком, готов подвезти.

Вижу, колеблется:

— Не беспокойтесь. Это вас ни к чему не обяжет.

Согласилась. Доставил по адресу и визитку протягиваю:

— Готов стать личным водителем. Понадоблюсь — звоните.

Визитку взяла, поблагодарила. На том и расстались. Женщина интересная, зрелая. Но, думаю, не судьба. Однако, через неделю звонок.

— Вениамин Александрович, я тут в магазин собралась, не могли бы вы меня подвезти.

— С превеликим удовольствием, — отвечаю. Встретил, загрузил продукты в багажник, подъехали к дому. Перед тем как распрощаться, я предложил победать в ресторане. А чтобы на глаза знакомым не попадаться, съездить в соседний город. Она посмотрела на меня оценивающе и произнесла:

— С продолжением?

— Что с продолжением? — не понял я.

— Ресторан — с продолжением? — спросила она, а сама смеётся. Тут до меня дошло.

— Это как вам будет угодно. Настаивать не смею.

Через день мы отобедали в ресторане. Она коньячку немного выпила. Я за рулём. За жизнь поговорили. Спрашиваю:

— По какому адресу прикажите доставить?

— А вы что, забыли, где живёте? — отвечает и улыбается хитро.

Вот так и встречаемся почти полгода. Жаль, семья скоро приезжает, рисковать не хочется, придётся завязывать.

Под болтовню Коржова Зуев и впрямь задремал. Он то проваливался в сон, то всплывал, и тогда слышал обрывки фраз: "...не местная, недавно в городе... какая любовь: приятно обоим, симпатия взаимная без претензий и перспектив... есть и муж и детей двое... интересная женщина бальзаковского возраста... захотелось новых ощущений, наверное... муж неплохой, любит, но какой-то нерешительный, несмелый, по столу кулаком не стукнет, на своём не настоит... насквозь пропах бензином и машинным маслом... не яркий, не хваткий... в общем тюня-матюня... ей такие, как я, нравятся... изменяла и раньше".

В голове Зуева тихонько так тревожный звоночек зазвенел. Дремота исчезла. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, вслушиваясь в разговор между Махловым и Коржовым.

— Как зовут-то, может, я знаю, — с любопытством спросил Махлов.

— Откуда? Говорю, недавно приехала.

— А вдруг, — настаивал Махлов.

— Антониной величают.

У Зуева в груди похолодело, однако он продолжал делать вид, что спит.

— Тихе, не ори, не глухой, — испуганно перешёл на шёпот Махлов, — Мишкину жену Тоней зовут. Давай выкладывай, какие ещё семейные подробности известны.

— Да не интересовался я, зачем. Меньше знаешь — спокойней спишь. Говорила, что муж то ли сантехник, то ли автомеханик, точно не помню. На работе допоздна пропадает.

Зуева чуть с лежака не сбросило. Он с силой сжал кулаки, в горле пересохло. Он лихорадочно стал вспоминать последние месяцы семейной жизни, искать подтверждения возникшим подозрениям и находил их. Несколько раз жена возвращалась поздно: то у какой-то новой подруги задерживалась, то в парикмахерской. В эти вечера была она какая-то необычная, медлитель-

ная, расслабленная, рассеянная, словно находилась не в доме, а другом, неведомом месте. Что-то в ней неуловимо менялось. Вроде бы прежняя, знакомая до мельчайших деталей Антонина, а вроде бы и нет. Что-то открывалось в ней затаённое, глубоко спрятанное и в такие дни выходившее наружу. Михаил замечал перемены, но, не находя им объяснения, забывал, тем более, что перемены эти были приятны. Жена становилась необычно ласковой, гладила по голове, прижималась, приговаривая: “Мишутка ты мой непутёвый”.

К действительности Зуева вернули слова Коржова:

— ...кто же тебе объяснит, отчего бабы гуляют? Многое от мужа зависит. Я свою в ежовых рукавицах держу. Попробовала бы она на сторону сходить — придумал бы! И она это знает. С мужиками проще и понятнее. Да мне эта психология не нужна, зачем в душу лезть. Я ведь не жениться на ней задумал. Обоим поразвлечься захотелось. Если сама в рот просится, почему не съесть?

Зуев с трудом подавил желание встать и съездить по сытой физиономии Коржова. Но он сдержался. Сейчас не это главное. Что ему с женой делать? Обида захлестнула, сердце сжалось в комок. Как же так: старался, оберегал, работал допоздна, чтобы в доме был достаток. Ну, чином не вышел — простой автомеханик. Не дано ему начальником стать. Но девки молодые, те, что на крутых иномарках приезжают, на него заглядываются, заигрывают. По глазам видно — не прочь с ним пофлиртовать. А он к своей Антонине присох. Не хотел обидеть резким словом, окриком, не настаивал на своём, стремясь сохранить в семье лад и покой. Вот и получил. “А может, не она?” — теплилась в душе надежда. “Может, совпадение? Хотя слишком много совпадений набирается. Сделать вид, что ничего не произошло? Проявить нерешительность? И жить дальше, как ни в чём не бывало? Хотя бы ради дочек. Или рубануть по узлу со всего маха, чтобы возврата не было?” Зуев принял решение и сразу успокоился, заворочался на лавке и произнёс вслух:

— Я, кажется, задремал? О чём балакали без меня? — спросил и нарочно закаптался. Чтобы скрыть волнение.

Махлов переглянулся с Коржовым и ответил:

— Всё о том же, о бизнесе. До баб пока дело не дошло.

— А я пойду, проверюсь на веранду.

Зуев накинул махровый халат, подарок Антонины, прихватил мобильник и вышел из бани. Присел на скамейку и набрал номер телефона жены Махлова. Она отозвалась сразу, будто бы ждала звонка.

— Послушай, Катюха, ты позвони своему и домой его вызывай.

— Что стряслось? — разволновалась Екатерина.

— Серёга твой бледный, жалуется, что под лопаткой ноет. Как бы беды не было!.. Меня не выдавай, придумай что-нибудь. Лады?

— Конечно, конечно! Я сама к вам собиралась, Витёк, кажется, приболел, — согласилась Екатерина.

Зуев посидел ещё немного и вернулся в помещение. Махлов как раз закончил разговор с женой:

— Катюха звонила — сын жалуется: в боку колет. Она “скорую” вызвала. Вы заканчивайте и ко мне, посидим ещё чуток.

Он поспешно покидал вещи в спортивную сумку, оделся и исчез.

— Давай ещё один заход сделаем, ополоснёмся и на выход, — предложил Зуев.

Коржов заколебался:

— Может, хватит, напарились и выпили прилично?

— В самый раз: хмель выгоним, будем, как огурчики.

Они устроились на верхнем полкё, и Зуев заметил, что Коржов ведёт себя как-то скованно, отводит глаза, старается не смотреть в его сторону.

— Надеюсь, пока я спал, вы все детали обговорили?

Коржов оживился:

— Ясность полная. Организуем аукцион — у меня свои люди в комитете по имуществу, — и упадёт банька к нам в руки. А приводить её в порядок — это уже твоё дело.

— Согласен. Ты вот что скажи, Веня, с женой моей Антониной ты случайно не знаком?

И по тому, как Коржов подобрался и вроде бы даже вздрогнул и удивленно вытаращил глаза, Зуев понял, что попал в точку. Знаком. Для него уже не имело значения, что ответит Коржов: соврёт или признается. Последние сомнения и надежды на совпадение исчезли.

— Нет, конечно, я в городе всего ничего. У меня маршрут: работа, квартира. На выходные к теще мотаюсь, на блины. С чего это ты взял? — как бы оправдываясь, спросил Коржов.

— Да так. Вспомнил, что жена недавно в мэрию ходила по делам — по поводу подключения газа, с кем-то из начальства общалась. Вот я и подумал: не с тобой ли?

— Нет, я приём не веду, пока в дела вникаю. Мои заместители этим занимаются, — с облегчением пояснил Коржов. — Но если есть проблемы, обращайтесь впредь напрямую, помогу. Теперь у нас как-никак общие интересы.

“Это уж точно”, — про себя отметил Зуев, а вслух сказал:

— Сбегаю, бойлер включу и назад.

Коржов согласно кивнул.

Михаил ужом выскользнул из парной, плотно притворил за собой дверь, сработанную из шпунтованных пятидесятимиллиметровых ясеневых досок и тихонько задвинул щеколду, которую сам недавно установил по просьбе Махлова повыше, чтобы дети не могли добраться. На чердаке он перекрыл вытяжку, подкинул в печь сухих поленьев, ярко вспыхнувших в малиновом стальном чреве, и вернулся в раздевалку. Обеспокоенный Коржов долбил в дверь кулакам:

— Михаил! Ты где? Что за шутки! Зачем дверь закрыл? Я же здесь от жары сдохну.

“Для того и закрыл, чтобы сдох”, — с несвойственной ему злостью и каким-то удовлетворением подумал Зуев. Не обращая внимания на крики и шум, он оделся и, прежде чем выйти из бани, оглянулся, постоял на пороге, словно сомневаясь правильно ли поступил. Потом безнадежно махнул рукой и, сутулясь, пошёл к Махловым. В доме он застал только Екатерину с младшей дочерью.

— Сергей уехал на “скорой”. У Витька подозрение на аппендицит. Ты почему один? Я перекусить приготовила.

— Не до перекусов вам сейчас. Коржов не захотел оставаться, куда-то торопился. Я в бане прибрался и тоже до дома, до хаты. Ты не паникуй. Будет нужна помощь — звоните, не стесняйтесь.

— Ты на себя посмотри: бледный, в лице ни кровиночки. Не перепарился?

— Порядок в танковых войсках, — отшутился Зуев.

Дома он выпил залпом стакан водки, спросил Антонину, где девчата. Та ответила, что в спортивной школе. Михаил удовлетворённо кивнул, пробормотал: “Мне по делам надо”, — и хлопнул дверью.

Дотемна он бродил по улицам. Порывался вернуться в баню, но вспоминал откровения Коржова, и злость, тлевшая, как угли, вспыхивала снова. Михаил скрипел зубами и шагал дальше. Дважды ноги сами выносили его к зданию отдела внутренних дел. Чувство вины, понимание неоправимости совершённого боролись в нём с желанием отомстить за оскорблённое самолюбие, за разрушенные планы. Он, словно заблудившейся в лесу, сомневался, не знал, в какую сторону идти. И вдруг — как пелена с глаз спала, как обожгло ясное осознание несоизмеримости смерти, на которую он обрёл Коржова, и своей обиды. Бегом, сбивая дыхание, он рванулся к бане, трясущимися руками, ломая ногти, открыл засов, распахнул настежь дверь. На него пахнуло жаром. У порога лежало грузное тело Коржова с перекошенным багровым лицом и разбитыми в кровь кулаками.

— Поздно, — прошептал Зуев. Ноги у него подкосились. Он осел, привалившись к стене, и застонал долго, протяжно, будто всё горе, накопившееся в его душе, вырвалось наружу.

Так и застал их Махлов уже за полночь: голого, остывшего Коржова и одетого недвижимого, то ли полумёртвого, то ли полуживого Зуева. Сергей сразу сообразил: Михаил слышал его разговор с Коржовым. Неясно было, что произошло потом и почему Коржов оказался мёртвым. Махлов растолкал друга, макнул его голову в таз с холодной водой и, продолжая трясти, крикнул прямо в ухо Михаилу:

— Что произошло?

Михаил захлопал глазами, оттолкнул Михаила и, с трудом ворочая языком, произнёс:

— Я убил Коржова. Вызывай милицию.

Больше от него Сергей добиться ничего не смог. После недолгих размышлений он сделал два звонка. Один в милицию — сообщил о несчастном случае со смертельным исходом. Второй — Антонине, сказал, что, наверное, Михаил убил их общего знакомого по фамилии Коржов.

Сергей, подавленный происшедшим, сутулясь, сидел на лавке. Он вздрогнул от грохота распахнувшейся настежь двери: Антонина в домашнем халате поверх ночной сорочки, зарёванная, неприбранная стояла на пороге.

— Где?.. — выдохнула она.

Махлов молча повернул голову в сторону раздевалки. Антонина ринулась туда. Через мгновение раздался сдавленный крик и глухой стук упавшего тела. Махлов бросился в раздевалку: Антонина лежала на полу. Потом она очнулась и на коленях подползла к сидевшему неподвижно Михаилу, навалилась на него всем телом, причитая: “Мишенька, прости меня, если можешь” — и заплакала навзрыд. Зуев с трудом оторвал её от себя, оттолкнул и произнёс неожиданно твёрдо и чётко:

— Уйди от греха подальше. Я за себя не ручаюсь, — и вновь замер.

С улицы послышался сигнал милицейской сирены. Махлов вышел встретить и вернулся с оперативной группой. Следователь осмотрел место трагедии и спросил:

— Кто может внятно объяснить, что случилось?

Зуев с трудом, опираясь о стену, поднялся и выговорил:

— Я убил этого человека.

Антонина завывала. Следователь поморщился, словно от зубной боли, и попросил:

— Да успокойте её, в конце концов, — и, обращаясь к Зуеву, сурово добавил: — Нельзя ли поподробнее?

— Нет, всё остальное я расскажу в милиции...